

МУЖИЦКАЯ ВАНДЕЯ В РОССИЙСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Крестьянский фронт 1918–1922 /
Сб. статей и материалов;
под ред. А.В.Посадского. –
М.: АИРО-XXI. 2013. – 740 с.

Крестьянские выступления периода Гражданской войны в России представляют собой, несмотря на их огромные масштабы – а возможно и благодаря им, до сих пор представляют собой довольно слабо изученный сюжет в отечественной исторической науке. Удивляться этому особенно не приходится: слишком различны – до полного несовпадения – субъективные политические интересы и побудительные причины тех, кто попытался бы в

советские времена связно и главное сбалансировано оценить различные факторы и реалии, обусловившие процессы, действовавшие в этой области многогрательной российской действительности.

Саратовский историк А.В.Посадский составил и отредактировал сборник работ и архивных источников по проекту издательства АИРО-XXI в рамках Федеральной программы «Культура России». Этот сборник представляет собой одну из первых в отечественной исторической науке попыток дать взвешенный, разносторонне обоснованный анализ упомянутых движений, их программ, лозунгов, лидеров, с ориентиром на последующее влияние на общественные бытие страны и ее политическую культуру.

Одна из безусловно сильных сторон предпринятого издания – это состав его участников. Почти все из более сорока исследователей, аналитиков, комментаторов-архивистов, выступивших в труде, тесно связаны с регионалистикой и краеведением. Это позволило им выносить свои суждения с четкой опорой на документально проверенные факты, либо на впечатления и суждения еще живших современников, лиц так или иначе причастных к крестьянским движениям и выступлениям, в том числе к партизанскому подполью.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что среди множества лозунгов, зачастую воспринятых крестьянами из дискурса опекавших крестьян партий эсеров и меньшевиков (например, требования политических свобод, общинного самоуправления, передачи всей полноты власти Советам и Учредительному Собранию и т. п.), преобладало обращение к центральным властям с призывом прекратить злоупотребление разными видами поборов, сократить конфискации скота (особенно, конечно, лошадей), снять гужевые и иные повинности. На первое место почти всегда выдвигалось сопротивление крайностям продразверстки, что в подавляющем большинстве случаев и служило поводом к силовым выступлениям и акциям.

Из представленных в сборнике материалов отчетливо следует, что как раз по ключевым требованиям крестьян власть шла на существенные уступки, в том числе по трудным для себя вопросам, связанным со снабжением городов. Крайне болезненная тема продразверстки уже с весны 1920 г. по инициативе не кого-нибудь, а самого Л.Д.Троцкого стала предметом рассмотрения в руководстве партии, а в 1921 г. была проведена замена продразверстки продналогом, что и составило основной стержень «новой экономической политики». Но еще до этого с прогрессом дисциплинизации Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) снизились количество и масштабы незаконных реквизиций и поборов в крестьянских хозяйствах. По мере перехода к демобилизации сначала в виде формирования так называемых «трудоармий», главным образом, для использования в народном хозяйстве, постепенно стала рассасываться знаменитая «зеленщина», или скопления масс дезертиров во многих местах, в частности в Центральной России, в Псковской губернии, на Урале, на Украине и в Сибири, составлявших, по приводимым в источниках сведениям, значительную долю активных повстанцев – «лесных братьев» (с. 363, 485, 514, 524–525, 671).

Вместе с тем, волны крестьянских (а частично и примкнувших к ним различных деклассированных элементов) выступлений продолжали вздыматься во многих регионах в течение всего пятилетия революции и гражданской войны (1917–1922 гг.). При этом в ряде мест и для ряда периодов исследователями отмечается их радикализация с перерастанием в широко разлитый экстремизм и терроризм, с соответствующими негативными последствиями для социальной организации и даже для повседневного быта. По приводимым свидетельствам, в данном плане существенную роль сыграло преломление одного из основных лозунгов, заимствованных у эсеровских противников крестьянской «жакерии» (большевиков): «Советы без коммунистов». На практике эта формула, по «крестьянской простоте», обычно понималась как ориентация не на перевыборы советов с забаллотированием коммунистов, а как ориентация на их тотальное изгнание из исполкомов (с. 526), а, по возможности, и физическое истребление. Отсюда вакханалия массовых избиений и убийств представителей аппаратов советской власти на местах.

В свою очередь, официальная власть, пытаясь перебороть протестные акции крестьянства, обрушила на село карательные меры, которые зачастую оказывались контрпродуктивными, ибо, гася очаги прямых восстаний, в определенном плане они загоняли болезнь вовнутрь. Как указывалось в одном из приводимых в работе документов, в стенограмме балашовской уездной партийной конференции февраля 1921 г. (публикация А.П.Новикова и А.В.Посадского), эти жесткости «формировали для крестьянина лицо советской власти» (с. 462–463). Лицо, действительно, оказывалось довольно неприглядным. Большевистские карательные отряды, правда, имели инструкцию не применять пыток, которыми славились «лесные братья», но в расстрелах, арестах, конфискациих себя не стесняли. Практически всеобщее, во всяком случае более широкое, чем крестьянские бунты, распространение получило явление так называемого «советского» («красного») бандитизма (с. 463, 546).

Это понятие раскрывалось как безбрежный комплекс злоупотреблений расстрелами и арестами, «краснопартизанского» вождизма и мгновенно возродившейся бюрократии, которая, поселившись в партийных органах и госструктурах, стала с успехом использовать порядки новой власти для удовлетворения собственных потребностей («Сверх разверстки берут еще коров и делят их по себе между членами волисполкома», с. 474). Тут перед читателем возникает реальная картина сочетания прямого политического насилия (якобы во имя высшей цели) с тем «бюрократическим извращением», которое в последующие годы сыграло столь весомую роль в термидорианском перерождении советской, якобы реально-социалистической модели, а вместе с этим и в серьезном подрыве шансов на установление подлинного социального мира и безопасности на всей обширной территории страны. В данном случае в исследовании затрагивается один из важных вопросов, хотя и «боковых» по отношению к «крестьянской» проблеме. К этому вопросу имело бы смысл вернуться в ходе следующих этапов этого многообещающего научно-исследовательского и просветительского проекта.